

Чему нас научила первая чеченская война

2009-12-18 / **Анатолий Сергеевич Куликов - генерал армии**, с 1995 по 1998 год - министр внутренних дел России, президент Клуба военачальников РФ.

"Огонь по боевикам!"

Прошло пятнадцать лет с начала первой чеченской войны. Хотя сегодня трудно точно сказать, когда именно, в какой день она началась. То ли с 30 ноября 1994 года, когда вышел Указ президента «О мероприятиях по восстановлению законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», в соответствии с которым Генеральный штаб начал разработку специальной операции по решению этой проблемы. То ли 9 декабря 1994 года, когда вышел Указ президента России «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». То ли 11 декабря того же года – после обращения Бориса Ельцина к гражданам России, где он сообщил о введении войск МВД и Минобороны на территорию республики. То ли 12 декабря, когда дудаевские боевики открыли огонь из «Градов» по колонне сводного полка 106-й дивизии ВДВ,двигающейся к Грозному, что явилось началом реальных боевых действий. А, может, 19 декабря, когда глава мятежной республики Джохар Дудаев выступил по местному радио и призвал своих сторонников «очистить землю от скверны», «полить кровью путь этих ублюдков», «перенести линию фронта в Москву к Кремлю»...

Но, на мой взгляд, она началась гораздо раньше – накануне и после распада Советского Союза, когда центральной власти, погрязшей в борьбе за собственное выживание, было не до событий на так называемых «окраинах страны». А на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, да и в Осетии, в других местах начался «парад суверенитетов», проявившийся, если можно так сказать, в особо искаженной форме.

ЛИДЕР САМОЗВАНОВОГО ПАРАДА

Начало сепаратистского движения в Чечне нужно отнести к 23–26 ноября 1990 года, когда состоялся Первый чеченский национальный съезд (ЧНС). Он принял решение об образовании независимого чеченского государства. При этом ни местный обком КПСС, ни Верховный Совет Чечено-Ингушетии, считавшие себя реальной властью в республике, не предприняли никаких шагов для дискредитации этого заявления. Более того, с согласия этих органов был создан Общенациональный конгресс чеченского

народа (ОКЧН), быстро превратившийся в постоянно действующую политическую организацию, которая вскоре вышла из-под влияния официального руководства и стала претендовать на власть.

В эти же дни на политической арене Чечни появился Джохар Дудаев, генерал-майор авиации, бывший командир дивизии тяжелых бомбардировщиков, начальник военного гарнизона в эстонском городе Тарту. В марте 1991 года он уволился из армии, вернулся в республику и начал набирать там административный вес. Возглавил исполком ЧНС и в мае того же года объявил о роспуске Верховного Совета ЧИР как утратившего легитимность в связи с провозглашением суверенитета республики. Я тогда был начальником Управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью и знаю, что в адрес ОКЧН приходили в то время огромные деньги от чеченской диаспоры за рубежом, от тайных фундаменталистско-мусульманских организаций, от спонсоров из прибалтийских республик. Оттуда поставлялись оборудование и пропагандистские материалы для проведения агитации.

Интересно, что значительная часть документов ОКЧН – проекты резолюций и указов об экономической и политической независимости, государственном устройстве – буквально копировала соответствующие документы прибалтийских движений. Вплоть до орфографических ошибок. Более того, некоторые из них даже не перепечатывались. Просто вместо слов «Эстония» или «Латвия» на титул листовки или резолюции ставился штамп «Чеченская Республика» и в таком виде документ распространялся.

Параллельно с лозунгами о суверенитете шел обычный грабеж русского населения. Людей убивали (более двух тысяч в год), их выбрасывали из своих квартир, имущество разграбляли. Насиловали женщин, мужчин продавали в рабство. В центре Грозного даже появился невольничий рынок. На железнодорожных путях из Москвы до Баку и обратно останавливались поезда. Грузовые вагоны разворовывались целыми аулами. Пассажирские – специализирующимися на этом бандами. Только за 1993 год было разграблено 559 поездов, 4 тыс. контейнеров на общую сумму в 11,5 млрд. руб. по ценам того времени. За восемь месяцев 1994 года – 450 поездов на сумму в 11 млрд. руб. Федеральный центр был бессилён что-либо предпринять.

В это же время в республику уже возвратились выпускники турецкой спецшколы военно-диверсионной подготовки. Они прибыли из Трабзона в Сухуми, а оттуда через Армавир и Минеральные Воды в Грозный. Среди них оказалось немало известных в будущем дудаевских полевых командиров – Шамиль Басаев, Ширмани Аблаков, Руслан Гелаев, Анди Мадагов, Беслан

Муматакаев, Резван Мержуев... После басаевской группы боевики обучались под Анкарой уже регулярно.

6 сентября «национальные гвардейцы» Дудаева из числа выпускников этой школы взяли штурмом помещение, где шло заседание Верховного Совета ЧИР. Более 40 депутатов избили, а одного из них – председателя горсовета Грозного Виталия Куценко – просто выбросили из окна. Он погиб. С согласия руководства российского парламента, а именно Руслана Хасбулатова, из некоторых депутатов этого Верховного Совета и представителей ОКЧН был образован Временный Высший Совет, который Верховный Совет России признал в качестве законного высшего органа власти на территории республики. Это была одна из самых опасных ошибок, допущенных федеральными органами при решении чеченской проблемы. Из Москвы в Грозный отправлялись одна за другой делегации для согласования мер по стабилизации обстановки. Во главе с госсекретарем Геннадием Бурбулисом, вице-президентом Александром Руцким, который встречался с Дудаевым, но все их поездки оказались безрезультатными. С 1991 по конец 1993 года центр сделал одиннадцать попыток договориться с Дудаевым, но все они ни к чему не привели.

В ответ на принятие Президиумом ВС России постановления «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике» ОКЧН объявил мобилизацию всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет и призвал к вооруженной конфронтации с центром. Затем в СИЗО Грозного начался бунт. 670 арестованных взломали двери в камерах, отключили электроэнергию, подожгли медчасть и оперчасть, производственные мастерские. Часть подследственных совершила побег. Колонна подразделений МВД, отправившаяся на помощь своим товарищам, была блокирована незаконными вооруженными формированиями.

Я вылетел в Грозный, выслушал доклад начальника грозненского СИЗО о ситуации внутри изолятора. Было ясно: он плохо представляет себе, что происходит на захваченной территории, и еще меньше, как ему вести себя в этой ситуации. Я спросил его: у бунтовщиков, наверняка, есть свой лидер. Кто он? Можно ли мне с ним поговорить?

– Есть такой, – отвечает начальник СИЗО. – Звать его Руслан Лабазанов. Убийца. Внутри изолятора пользуется непререкаемым авторитетом. Сейчас вызовем.

Так я познакомился с Лабазановым. Мы с ним ходили на захваченную подследственными территорию. Договорились о том, что там будет порядок. Чтобы решать проблемы задержанных без крови и насилия. Слово он сдержал. Потом во время чеченской войны мы еще не раз встречались с

Русланом. Он слыл противником Дудаева, этаким Робин Гудом и борцом за справедливость, однако оставался полевым командиром, за которым тянулся хвост вполне банальных грабежей и убийств. Но подробнее о нем как-нибудь в другой раз.

А в республике начались захваты тюрем и освобождение уголовников. Нападения на военные городки внутренних войск, в том числе и на 506-й полк, дислоцировавшийся в Грозном, на здание МВД республики, которое защищал наш батальон, продолжались. Цель была понятной – добыть оружие и выдвинуть с территории Чечни вооруженные формирования России. И хотя наши солдаты, офицеры (их жены и дети проживали в подвергавшихся нападению городках) сражались достойно, не теряя присутствия духа, проявляя мужество и стойкость, по приказу руководства страны мы вынуждены были уйти. Правда, предварительно испортив, как можно больше, оставленное имущество и оружие, заминировав склады с вооружением. Некоторые растяжки сработали безупречно, обвалив крышу зданий и разметав посеченные автоматы и пулеметы в разные стороны, но это не помешало чеченцам вытаскивать их из пыли и грязи, грузить охапками в багажники «Жигулей» и «Нив», развозить по своим тайникам.

Досталось и армейским частям. Были захвачены полк противовоздушной обороны и авиаполк Армавирского училища летчиков ПВО. Военные городки окружного учебного центра со всем вооружением и имуществом. И когда в 1993 году наконец-то настала пора серьезно задуматься о наведении конституционного порядка в Чечне, на ум пришли сухие цифры наших имущественных потерь в этой республике. Несмотря на все усилия по его сохранению. Оружия и боевой техники в Чечне было так много, что его хватило бы для оснащения в случае войны нескольких полнокровных дивизий. Особенно после того, как в силу вынужденных обстоятельств было принято решение оставить Дудаеву 50 процентов запасов вооружений, находившихся на здешней территории. Это была вторая грубейшая ошибка, стоившая нам большой крови.

По оценкам экспертов, сепаратисты заполучили 2 пусковые установки тактических ракет «Луна», 51 боевой и учебный самолет, 10 зенитных ракетных комплексов «Стрела-1», 23 зенитные установки различных типов, 7 ПЗРК «Игла», 108 единиц бронетанковой техники, включая 42 танка, 153 единицы артиллерии и минометов, включая 18 реактивных систем залпового огня «Град», около тысячи реактивных снарядов к ним, 590 единиц современных противотанковых средств, около 60 тыс. единиц стрелкового оружия, не менее 740 ПТУР, 24 тыс. снарядов для гаубиц Д-30, около 200 тыс. ручных гранат, 13 млн. патронов для стрелкового оружия, большое количество запасных частей и комплектующих для оружия и боевой техники.

«ПОСТУПИТ КОМАНДА – БУДЕМ ВЫПОЛНЯТЬ»

Не стану комментировать те взгляды на чеченскую проблему, которые тогда преобладали в Кремле, в Минобороны России и в Генеральном штабе на исходе 1993-го и в начале 1994 года. О них я не имею подробных представлений, так как командование внутренних войск в секреты государства по поводу Чечни тогда не посвящалось, а точка зрения генералов из МВД вряд ли серьезно интересовала российского президента: его советчики и разведчики были преимущественно не из нашего ведомства. Мои начальники на все мои рапорты и доклады о катастрофической ситуации в Чечне, видимо, многое понимая в околокремлевских раскладах, не реагировали, а только успокаивали: «У нас, что, есть указ президента или его директива? Поступит команда – будем выполнять. Тебе что больше всех надо? Ты давай не лезь, не суетись...».

Возможно, еще оставались надежды, что мятежная республика, оставленная без прямой поддержки федерального Центра, очень скоро почувствует: ее надежды на самостоятельную и независимую жизнь лишены каких-либо перспектив без международного признания и – что самое важное – без ресурсов России. Не исключено и то, что взоры высших руководителей страны тогда были обращены исключительно на полки архивов бывшего КГБ, где, по общему разумению, и должны находиться точные рецепты борьбы с национализмом и сепаратизмом.

Это поклонение мертвым спецслужбовским схемам я замечал позднее и в среде политиков, и даже в кругу военных профессионалов. На первый взгляд, эти схемы, верные и не раз испытанные, должны были безотказно сработать и в Чечне. Ведь вроде бы в них предусматривались все необходимые меры воздействия на дудаевский режим. Но меня не покидала мысль, что все эти мероприятия – либо окутанные таинственностью, либо, наоборот, совершенно демонстративные – словно списывались с академических учебников. С одной стороны, в отношении Чечни применялись экономические санкции, материально и морально поддерживалась антидудаевская оппозиция, с другой – слишком очевидным казалось то, что все эти, по сути, правильные меры не учитывали ни истории, ни национального характера чеченского народа.

Психология, обычаи и традиции горских народов Кавказа, среди которых, по общему признанию, чеченцы стоят особняком, требуют тщательной редакции силовых решений. Я – кавказец по месту рождения – хорошо понимал это уже потому, что с детства общался с горцами. Они молчуны... Это особый тип людей, привыкших к трудной и зачастую небогатой жизни, проходящей в борении с природой и соседними народами. В борении за кусок хлеба. В горах скудный ресурсный слой, а каждый

земельный надел, каждый склон, пригодный для сенокоса, в свое время обильно полит человеческой кровью, так как обязательно был объектом чьих-то справедливых или несправедливых притязаний.

Мало того, что каждый горец на генетическом уровне готов защищать среду своего обитания – единственную основу жизни его семьи, но точно так же он готов к набегу на соседние пределы, чтобы за счет иноплеменного чужака пополнить жизненно необходимый ресурс. В основе этой былой корысти – не жестокость и жажда насилия, а крайняя необходимость выстоять ради продолжения рода. В основе этой независимости горское одиночество и во всякое время готовая к отпору душа, которой не на кого положиться, кроме соплеменников. И этот непривычный для прочих уклад жизни я бы не стал называть пережитком прошлого: то, что складывается веками, невозможно изменить за десятилетия. К этому надо относиться как к данности, по-человечески оценивая то доброе и высокое, что бывает свойственно горским цивилизациям: отвагу, верность, гостеприимство, самоотверженность.

Как-то я спросил у лидера дудаевской оппозиции бывшего сотрудника МВД Умара Автурханова: кто мог бы стать первым лицом в Чечне вместо Дудаева?

Он внимательно посмотрел мне в глаза и сказал:

– Понимаете, каждый чеченец мечтает быть первым лицом.

В этих словах звучало глубокое знание своей республики. Ведь, если говорить об этнических чеченцах, следует вспомнить не столько кавказские войны, сколько историю многовековой жизни всего вайнахского народа, частью которого они являются. Защищая собственное пространство на перенаселенном Кавказе, они выработали свой стиль жизни, который предусматривал относительное равенство всех соплеменников, взаимовыручку в момент опасности и верховенство военной силы. Подобно многим горским народам, чеченцам свойственны помимо общепринятых достоинств такие качества, как возведение в ранг доблести смекалки и смелости, проявленных при добыче чужого добра или при захвате заложника. На Северном Кавказе всегда будут понятны мотивы кровной мести. Никто не осудит за обман или воровство, если их жертвами стали уроженцы чужой земли. И то, что нормальному милицейскому генералу вовсе не кажется забавным, когда он народную удачу называет дерзостью, а набеги – преступлением... Но об этом лучше читать в исторических романах, а не сталкиваться в реальности на узкой горной тропе.

Вот и тогда на все предпринятые Центром экономические санкции чеченцы ответили привычными для себя набегами на сопредельные территории и захватами заложников. Это началось еще весной 1994 года с Минеральных Вод, где бандитов с деньгами в конце концов выпустили из аэропорта. Успех так вдохновил других «абреков», что заложников начали захватывать как по расписанию – каждый последний четверг месяца. В результате только за март, май и июль, например, преступники «заработали» от 8 до 15 млн. долл. США.

Терпение федерального Центра лопнуло. 22 августа 1994 года оппозиция предъявила Дудаеву ультиматум с требованием уйти в отставку. Но это ни к чему не привело. Вооруженный отряд Беслана Гантемирова, отправившийся колонной на бэтэрах к Грозному, был остановлен в районе Черноречья верными Дудаеву бойцами Шалинского полка. Всю осень вооруженные отряды сторонников мятежного генерала воевали с отрядами оппозиции в районе Урус-Мартана, Долинского, Аргуна и Тостой-Юрта. С обеих сторон появились убитые и раненые. Нелепый штурм Грозного 26 ноября с участием российских военнослужащих, завербованных отечественной контрразведкой, привел к гибели 40 человек. 168 были ранены, сожжены 18 танков. Стало ясно, что все меры политического урегулирования и прекращения вакханалии исчерпаны, кроме самой последней.

Президент России издал Указ № 2137с «О мерах по восстановлению конституционной законности и порядка на территории Чеченской Республики», который одобрил применение Вооруженных сил. Началось сосредоточение войск вокруг чеченских границ.

Июнь 1995 года, Чечня. Командующий Объединенной группировкой войск генерал Анатолий Куликов на КП одной из частей.

Фото из книги «Чеченский узел»

МЕЧОМ ПО ГОРДИЕВУ УЗЛУ ПРОБЛЕМ

В соответствии с указом президента была создана Объединенная группировка, в состав которой включили соединения и части Вооруженных сил, Внутренних, Пограничных и Железнодорожных войск, силы и средства ФСБ, ФАПСИ и МЧС. Ее задачи формулировали просто: стабилизировать обстановку, разоружить незаконные вооруженные формирования, а при оказании сопротивления уничтожить их, восстановить законность и правопорядок в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

По замыслу операции предусматривалось: на первом этапе (7 суток, с 29 ноября по 6 декабря) создать Объединенную группировку войск, занять исходные районы для действий по трем направлениям – моздокскому, владикавказскому и кизлярскому. Фронтovou авиацию и боевые вертолеты перебазировать к 1 декабря на оперативные аэродромы, полностью блокировать воздушное пространство над Чечней. Подготовиться к подавлению систем связи и управления дудаевцев радиоэлектронными средствами. На втором этапе (3 суток, с 7 по 9 декабря) выдвинуться к Грозному по пяти маршрутам под прикрытием фронтовой и армейской авиации, окружить город созданием двух колец блокирования: внешнего – по административной границе республики и внутреннего – вокруг города. Оба кольца разомкнуть на юге для выхода мирного населения. Частью войск Объединенной группировки блокировать также места базирования боевиков вне Грозного и разоружить их. Внутренним войскам поручалась охрана коммуникаций и маршрутов выдвижения войсковых группировок. На ФСБ и спецподразделения МВД возлагались поиск и задержание лидеров дудаевского режима, способных организовать вооруженное выступление и диверсии в тылу действующих войск.

Третий этап (4 суток, с 10 по 13 декабря) предусматривал, что группировки войск с севера и юга с разграничительной линией по реке Сунжа, действуя совместно со спецподразделениями МВД и ФСБ, должны очистить от НВФ президентский дворец, здания правительства, телевидения, радио и другие важные объекты. На четвертом этапе (5–10 суток) предстояло стабилизировать военную обстановку и передать участки ответственности Вооруженных сил внутренним войскам МВД, которым надлежало выявлять и изымать оружие, боеприпасы у незаконных вооруженных формирований и населения на всей территории Чеченской Республики. То есть одним ударом меча разрубить весь гордиев узел чеченских проблем.

Но гладко, как говорят, было на бумаге. Оказалось, что намеченные сроки подготовки и проведения операции все время сдвигаются. В том числе и из-за вновь возникавших желаний все же решить проблемы Чечни политическим путем.

Всего к началу операции Объединенная группировка федеральных войск в Чечне насчитывала 23,8 тыс. человек (армия – 19 тыс., Внутренние войска – 4,7 тыс.), в ней имелось 90 вертолетов (из них 47 – боевые), 80 танков, несколько сотен БТР и БМП, 182 орудия и миномета. В составе дудаевских вооруженных формирований было 30 тыс. боевиков, включая 2 тыс. наемников из разных стран. (Чуть забегаая вперед, отмечу, что в январе 1995 года никак не могли найти генерала, который стал бы руководить операцией. Сначала это должен был быть заместитель главкома Сухопутных войск генерал-полковник Эдуард Воробьев, а когда он отказался, действия

Объединенной группировки начал направлять и координировать командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник Алексей Митюхин, а после него – первый заместитель начальника Генерального штаба – начальник Главного оперативного управления ГШ генерал-полковник Анатолий Квашнин.)

6 декабря была предпринята последняя попытка предотвратить кровопролитие. После того как план операции был утвержден, министр обороны России Павел Грачев в ингушском поселке Слепцовск встретился с Джохаром Дудаевым. Договорится им опять не удалось. Как позже рассказывали очевидцы, Грачев спросил Дудаева:

– Ну что, Джохар, война?

Тот ответил:

– Война.

Но намеченная на 5 часов утра 11 декабря операция не началась. Оказалось, что генерал-полковник Митюхин перенес ее на 8 часов утра якобы потому, что кто-то из его генералов не успел к назначенному сроку подготовить подчиненные ему части. А к этому времени, знал я, перекресток в Назрани, по которому должны пойти войска, будет забит легковыми машинами – это воскресенье, базарный день. Значит, наши машины не пройдут, их начнут блокировать и отстреливать поодиночке.

Но Митюхин был невозмутим:

– Мне дал добро министр обороны.

К сожалению, мои пессимистические прогнозы оправдались. Выяснив основные маршруты выдвижения войск, экстремисты успели перекрыть большинство дорог, собрав в наиболее уязвимых местах толпы враждебно настроенного населения. Под прикрытием этих людских скоплений, состоявших в основном из детей и женщин, боевики имитировали «пикеты протеста» и «взрывы народного негодования», которые снимали на телекамеры западные операторы, да и наши тоже.

Логика войны, конечно, требует не останавливаться. Но это легко сказать, а сделать трудно. Можно представить, что творится на душе у мальчишки, который сидит за рычагами танка или бэтэра. Как ему наезжать на людей?! А боевики под прикрытием протестующих мирных жителей захватывали солдат и офицеров, развозили их по домам в качестве заложников. Боевую технику выводили из строя или тоже захватывали.

На подходе к Грозному со стороны Назрани 12 декабря в 14.00 по колонне сводного полка 106-й дивизии ВДВ был произведен огневой налет из РСЗО «Град». Погибли шестеро военнослужащих, 13 – получили ранения. Этот день я считаю началом реальных боевых действий в Чечне. Потом подобных инцидентов было много. Войсковые колонны, неся потери в живой силе и технике, подошли к Грозному только через две недели и в разное время. Наиболее успешно продвигавшаяся северная группировка генерала Льва Рохлина приблизилась к намеченному рубежу 20 декабря. Остальные группировки – к 26-му. На этап выдвигения и блокирования противника войскам понадобилось 16 суток вместо трех запланированных. До провалившегося новогоднего штурма чеченской столицы, где только в подразделениях федеральных войск погибло и пропало без вести более 1,5 тыс. солдат и офицеров, оставалось пять дней.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

...Если сделать короткие выводы из событий пятнадцатилетней давности, то надо сказать главное. Вооруженный конфликт в Чечне, хотя был далеко не первым среди тех, что прошли в Российской Федерации после распада СССР, но стал единственным в своем роде, который по характеру ведущихся там боевых действий, по количеству участвовавших в нем людей, по величине экономических потерь и бедствиям гражданского населения заслуживает права именоваться настоящей войной.

Она научила нас, что ни в коем случае нельзя допускать ослабления государственной власти. Особенно в такой стране, как Россия, где проживают сотни таких же самобытных, свободлюбивых и гордых народов, как чеченский. Демократия, свобода, независимость и уважение прав каждой нации на самоопределение ничего общего не имеют с бандитизмом, стремлением жить за счет других людей, полным освобождением от каких-либо моральных принципов. Все остальное – просто риторика, которая к середине 1994 года многим кавказским народам, соседям Чечни, пострадавшим от набегов тамошних бандитов, воспринималась уже не так, как в начале 90-х, когда эти идеи звучали свежо, остро и вроде бы не имели ничего общего с чудовищным кровопролитием и преступлениями против самой жизни.

Народов на Кавказе действительно много. И никакой военной силы не хватит, чтобы справиться с чеченским сепаратизмом, если не найти понимания этой ситуации, скажем, у кабардинцев, аварцев или кумыков. Только вместе со всеми, уважая право каждой нации на свою самобытность, но не за счет своих соседей, мы можем построить новое общество. И еще один, по-моему, важнейший вывод – военными средствами невозможно

решить политические, экономические, социальные и национально-этнические проблемы, если они копились годами, десятилетиями и даже веками.

Генералы и армии, как и хирурги, приходят на помощь только тогда, когда все средства лечения были исчерпаны или недооценены. Но поставить на ноги больного может потом лишь терапевт, применяя все разумные и необходимые меры поддержки больного. Да и то при том условии, если он сам хочет и готов вылечиться.